Портрет девочки в шляпе

Автор:
Елена Дорош

Портрет девочки в шляпе

Елена Дорош

Вечерний детектив Елены Дорош

Лора – искусствовед, специалист по установлению подлинности картин. Тихая, скучная работа? Как бы не так! Имея дело с портретами женщин из рода Строгановых, Лора оказывается в самом центре опасной и запутанной криминальной истории, корни которой уходят в глубь веков и за океан. Придется разбираться, где фальшивки, а где подлинники, причем это относится не только к картинам, но и к людям…

Елена Дорош

Портрет девочки в шляпе

© Дорош Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

На солнечных берегах Америки

Сегодня впервые за долгие годы ему приснился дивный сон. Настолько приятный, что, проснувшись, он стал его додумывать. Нежась в постели, досочинял сюжет и сам удивился, какая благостная получилась картина.

В конце концов солнце, беспощадное даже сквозь плотные римские шторы, выдавило его из мягкой кровати. Кряхтя и почесываясь, он встал и пошел вглубь комнаты, подальше от светила, напевая:

– Не уходи, побудь со мною, пылает страсть в моей груди…

Приподнятое настроение утра не испортил даже кофе, который он любил выпивать на террасе и который нынче оказался чуть теплым.

– Варвара, ты дура, – объявил он горничной, – какого хрена ты наливаешь кофе, если я еще не вышел?

Варвара, дебелая рослая баба, ничуть не смутившись, забрала чашку, тут же поставила новую, налила и, удаляясь, пробурчала:

– Не вышел он! Как это не вышел, если я своими глазами видела – вышел!

– И снова ты, Варвара, дура. Я вышел без шлафрока. Посему вернулся, чтобы облачиться. Или ты не в курсе, в чем я поутру обычно…

Он повернулся посмотреть, внимает ли ему бестолковая Варвара, но ее и след простыл.

– Дура, – повторил он в третий раз.

Затем с удовольствием отхлебнул кофе и пропел на мотив услышанной когда-то глупой русской песенки:

– Дура ты моя синеглазая, без тебя мне не прожить и дня…

Положительно, утро удалось.

Он посидел еще немного в тени, но, поскольку солнце неумолимо продолжало наступление и двигалось как раз к террасе, пришлось ретироваться. В холле он остановился и посмотрел в зеркало. «Зерцало», как любовно назывался сей предмет, не показало ничего хорошего. Да-с, все-таки старость – не радость. Когда тебе за восемьдесят, щеки румянцем не горят и здоровьем не пышут. Однако сегодня глаза блестят, и чувствует он себя отлично. А это уже немало по нынешним временам.

Он прошел в кабинет и сел за стол. Стоявшая на столе шкатулка из красного дерева, инкрустированная перламутром и украшенная двадцатью пятью алмазами, двадцатью сапфирами чистой воды и четырьмя крупными изумрудами по углам, казалось, издавала нежный аромат сандала.

Он осторожно погладил поверхность и мягко нажал на головку ангела, украшавшую замок. Внутри что-то щелкнуло, и шкатулка открылась.

– А ларчик просто открывался, – прошептал он и осторожно достал из бархатного чрева шкатулки золотую медаль на голубой ленте.

Императрица на медальоне была изображена в профиль. Надпись гласила: «Б. М. Екатерина. II Імперат. и самодерж. Всеросс.» Внизу, как положено, имя медальера – Тимофей Иванов. На тыльной стороне – Екатерина с Девой Марией возле алтаря и надпись в две строки: «коронована в Москве» и «сент. 2д. 1762».

Вдоволь насмотревшись на награду, он закрыл шкатулку, а медаль взял с собой. В углу кабинета стоял портновский манекен, обряженный в парчовый шлафрок, в точности какой был на нем самом, с перекинутой через плечо голубой орденской лентой. Он аккуратно прикрепил медаль к планке и отошел, чтобы полюбоваться.

– Ну, кажись, неплохо. Вылитый Александр Сергеевич Строганов! Первый граф в нашем роду!

Отступив еще немного назад, он так и эдак покрутил головой, любуясь манекеном, потом со вздохом убрал медаль в шкатулку, сунул ее под мышку и пошел, сначала по коридору вглубь огромного дома, потом открыл неприметную взгляду дверь и стал спускаться в подвал. Там он остановился перед другой дверью – сейфовой, привычно потыкал толстым пальцем в цифры электронного

замка, сказал «сезам откройся», и дверь отъехала в сторону.

Хозяин дома прошелся по большому залу вдоль стен, увешанных портретами, и остановился возле музейной витрины в центре.

– Там царь Кащей над златом чахнет, там русский дух, там Русью пахнет, – пробасил он, понял, что сфальшивил в конце, и, откашлявшись, повторил последнее слово.

– Пааахнееет! Вот так!

Под стеклом лежали ордена, медали, портсигары, памятные подарки и орденские ленты. Он пристроил медаль на бархатную подложку, шкатулку поставил на стол с мраморной столешницей и пошел к выходу. По мере его движения гасли устроенные в потолке и стенах лампы.

Лишь шкатулка долго продолжала поблескивать драгоценными камнями и золотом таблички, на которой было выгравировано: «Графу А. С. Строганову от благодарной Екатерины в честь Тезоименитства».

Герман

Плотность населения деревни Любилки – девять человек на восемь дворов. Семь одиноких, брошенных бабок и дед Кирьян с мальцом.

Деда в деревне не любили. Причин тому было несколько. Первая, что Кирьян ни с кем из соседок не только не любился, а и дружбы не водил. Хотя был крепок и силен не по годам. Бабки, конечно, не первой свежести, однако выбор все же был. Анютка была других моложе ненамного, однако собой симпатичная и еще фигуристая. Шура полноватая и рыхлая, как квашня, но зато на лице ни одной морщинки и ямочки на щеках. Были свои прелести и у других, но Кирьян ото всех нос воротил. Однажды подрядился крышу перекрыть у Любки. Перекрыл, а когда она сказала, что согласная, чего уж там, на другой день стал по другой стороне улицы ходить и больше свою помощь никому не предлагал. Просили – делал, конечно, но после работы от угощения отказывался и сразу бежал домой

со своим парнишкой водиться. А мальчонка-то, все ведь знали, был приблудный и Кирьяну вовсе не родня. Тот привез мальца из интерната в другой области, куда ездил отходником и подвизался то стропалем, то столяром, то вовсе печником.

Звали приблуду Геркой, и поселился он в Любилках, когда имел от роду всего три года. Где его Кирьян надыбал, никто не знал, однако документы выправил честь по чести, содержал в строгости, но в достатке, учил всему, что сам умел, старался одного не оставлять и ни на кого менять не хотел – ни на жену, ни на любовницу.

Все удивлялись и тому, что, когда Гера подрос, в интернат его дед не отправил, а стал возить в районную школу, для чего приобрел и отладил мотоцикл с коляской.

Наведывались к Кирьяну из органов опеки не раз, однако плохого ничего не находили. Хозяйство дед вел исправно, за мальцом следил, к учебе нареканий не было, так что, как ни рядили о нем соседки, как губы ни поджимали, жили старый да малый дружно да весело.

Лет с семи Кирьян стал брать мальчишку с собой на заработки. Только тот на каникулы, они тут же вместе наладятся куда-нибудь. Особенно часто в Успенскую пустынь, где семеро монашек восстанавливали обитель и нуждались в помощи, как никто.

Когда Герка подрос, стал ездить в пустынь сам. В Любилках и не знали, что в обители начал мальчишка рисовать. Была при монастыре небольшая иконописная и реставрационная мастерская. Матушка Варвара сама была из художников, насельниц нашла таких же и организовала артель.

До окончания школы Герка там обитался и, видно, многому научился, потому что учиться отправился в Петербургский институт самых главных искусств, выучился и стал работать реставратором, да не где-нибудь, а в каком-то приличном месте, где платили вовремя и хорошо.

После этого Кирьяна невзлюбили еще больше. Мало того что приблудный парнишка птицей высокого полета оказался, так еще деда не бросил, а отремонтировал дом, пристроил мастерскую, купил Кирьяну УАЗ «Патриот», стал

наведываться то один, то со товарищи и живать подолгу, работая на свежем воздухе в свое удовольствие.

Одна польза – стали в Любилках появляться молодые люди, Геркины друзья, снимали у бабок жилье, а это существенно увеличило доходность местного населения.

Но все равно хорошей жизни Кирьяну не простили и за глаза осуждали. За что? Да за все!

Гера относился к дедовым соседкам с пониманием, посмеивался только. А что касается Кирьяна, тот словно не замечал предвзятого отношения, радовался успехам своего мальца и жил себе, не тужил.

Лет до восьми он думал, что зовут его Герасим, а фамилия – Сайкин. Как у деда. Когда впервые увидел свое имя в свидетельстве о рождении, был удивлен. Оказывается, по документам он – Герман Александрович Строганов. В школе по фамилии никого не называли. Зоя Петровна считала, что детей надо звать только по имени и уменьшительно-ласкательно. Герочка, Герушка – вот что он привык слышать. Дома дед звал Геркой, а иногда Гераклом. В шутку, конечно. Рос мальчик высоким, но тощеньким. Прямо былинка на ветру. Вот Кирьян и посмеивался над его худобой. Гера не обижался, но к сведению принял. Записался в секцию при районном клубе, начал заниматься дома и к «осьмнадцати», как говорили в Любилках, годам стал крепким и плечистым.

Сразу после школы в питерский Институт искусств и реставрации он все-таки не поступил. Выпускнику сельской школы не хватило баллов. Герка особо не переживал и решил отслужить в армии. Забрали его осенью, а уже через два года он все же стал студентом.

В институте Герман получил кличку Фриц за немецкое, как все считали, имя. Гера к прозвищу привык и даже подписывал им свои работы. Рисовал он неплохо, преподаватели пророчили успех, но Герман стал реставратором и никогда об этом не жалел. Воспитанный в сельской глуши, он ценил уединение и тишину. Кропотливость и терпение, необходимые для реставратора качества, дед воспитывал в нем с детства. Герман занимался этой непростой работой с удовольствием и за несколько лет преуспел. В профессиональных кругах

считалось, что Фриц может «вытащить» любую, даже самую тяжелую, картину или икону. И это была правда.

Живопись Герман не бросил, иногда даже что-то продавал, чаще дарил. Летом разрисовал районный клуб, где ему помогли окрепнуть, потом актовый зал в школе, а Зое Петровне расписал забор, да так, что к нему стали привозить школьников на экскурсии. В Успенскую пустынь он по-прежнему ездил часто. Там его привечали и гордились. Он помогал и монастырю, причем много. Матушка Варвара теперь сама училась у него новым приемам, узнавала, с какими химикатами лучше работать по тем или иным поверхностям, и много всякого другого.

Кирьян не мог дождаться от Германа только одного – женитьбы и детишек. Мечтал застать то счастливое времечко, когда его выкормыш обзаведется семьей. Однако время шло, Гере перевалило за тридцать, а дело не сдвинулось. Девушек вокруг парня крутилось немало, но никакая не засиделась, не прирослась.

Одно время Кирьян надеялся на Геркину однокурсницу по имени Светлана. Света была хороша всем – и статью, и светлой пушистой косой, и румянцем во всю щеку. А пуще всего она нравилась Кирьяну домовитостью. Не успела появиться в их с Геркой доме, как сразу начала готовить, прибираться, даже бельишко на речку ходила полоскать. Кирьян уже прикидывал, не начать ли материалы для пристройки к дому закупать. И только он уже было обрадовался, как пушистокосая и румянощекая Светлана исчезла. Дед приступил с расспросами к Герке, но на того где сел, там и вокзал.

– И чего девку забраковал? Ведь как сильно тебя любила! Аж стелилась вся.

Герка только усмехнулся.

– Да не любила она меня. Просто замуж сильно хотела.

– Она хотела, а ты, значит, не хотел?

– Выходит, не хотел.

Вот и весь сказ.

На следующее лето Герка привез другую. Та бельишко не стирала. Та была пава. Правда почти безволосая, с коротким ежиком вместо кос, но зато волоокая. И имя имела соответствующее – Хельга. Эту дед Кирьян побаивался. Скажешь вроде хорошее и простое, а она поведет своими коровьими глазищами, и сразу кажется, что чушь какую-то сморозил. Кирьян маялся, но терпел. Лишь бы Герке было с ней хорошо. Но волоокая Хельга испарилась еще быстрее Светланы.

Потом девушки стали, как выражался Кирьян, мелькать перед глазами. То одна мелькнет, то другая. Но никто не примелькался настолько, чтобы остаться в их жизни навсегда.

Ничего хорошего в этом не было, но что делать? Дед Кирьян запасся терпением и стал ждать.

Лора

Ее дед вырос в Пушкинском детдоме № 10, куда перед войной привозили детей испанских коммунистов. Мигель Алонсо был самым младшим из них. Его вывезли в три года, поэтому родителей своих он не помнил. В России прижился, завел семью и наплодил детишек. Женился, впрочем, тоже на испанке, девочке из интерната, поэтому в роду все были черноволосые и смуглые. Как-то получилось, что последующие скрещивания не размыли эту испанскую внешность, поэтому Долорес Сарита Алонсо выглядела, как и вся ее родня, типичной жительницей Пиренейского полуострова. Высокая грудь, тонкая талия, крутые бедра.

В Петербург семья перебралась, когда Лора была младенцем, поэтому она считала себя коренной ленинградкой и обожала этот северный город. Испанская кровь впустила в себя холодную невскую воду, и получилась интересная смесь из южной страстности и северной рассудочности. Своенравная и гордая, как испанка, жесткая и строгая, как истая северянка. Вот такая выросла девочка. Характер ее никому не нравился, кроме нее самой. Как ни старались родители и школа приручить этого иноходца, ничего не получалось. С таким характером только к тиграм в клетку или на стройку прорабом, но неожиданно для всех Сари, как звали ее в семье, поступила учиться на искусствоведа и стала

заниматься атрибуцией – установлением авторства картин, времени их создания и прочими сложными вещами, которых в семье простого служащего отродясь не понимали. При таком характере корпеть над книгами, копаться в документах и просиживать месяцами в архивах и лабораториях? Это вообще не для нее! Как она может? Но она могла и получала от этого удовольствие.

Как и от танцев. Лет в одиннадцать родители отдали ее в кружок, где учили танцевать фламенко. Надо же было как-то поддерживать испанский дух и традиции! Шла Лора упираясь, но после первого занятия стала бегать в кружок с охотой. Страстный танец оказался ей по нраву. Повзрослев, она не только не бросила детского увлечения, но стала вести кружок сама, когда ее педагог переехала в другой район.

После смерти Мигеля отец Лоры Антонио Алонсо стал часто ездить на встречи детей испанских коммунистов, вывезенных в СССР. На последней он увидел книгу об истории этих детей и их семей. С волнением Антонио прочитал, что Мигель Алонсо происходил из знатного испанского рода Алонсо де Витория. Многие испанцы имели двойные фамилии, и вторая часть с приставкой «де» чаще всего присваивалась по названию местности. Витория-Гастейс – столица Страны Басков. Именно там находились обширные земли рода Алонсо. Во время франкистского путча Алонсо выступили против бунтовщиков, а один из них, Карлос, и вовсе связался с коммунистами, женился на девушке из народа и погиб вместе с ней в 1939 году. Их кроха-сын был спасен и вывезен в Советский Союз.

Потрясенный Антонио поспешил познакомиться с автором книги – Альберто Хименесом. От него Антонио узнал, что род Алонсо де Витория здравствует по сей день и даже процветает. Им будет приятно узнать, что в далекой России проживает кровная родня. Альберто сообщил, что в ближайшее время собирается посетить Петербург и будет рад рассказать подробности при встрече.

Вскоре он и вправду приехал. Хименес познакомился с женой и дочерью Антонио и с охотой поделился всем, что знал, за семейным обедом.

Лору он с ходу стал называть Саритой, по ее второму имени, как звали ее только самые близкие.

Через месяц Альберто снова навестил испанских друзей и позвал Лору на свою лекцию в Герценовский университет. Потом пригласил в театр. Затем в ресторан. Тут родные догадались, к чему все идет, и обрадовались.

Альберто Хименес был еще молодым, не более сорока, человеком, умным, хорошо образованным, вполне состоявшимся. Кроме того, он умел нравиться. Именно эту его способность Лора заметила сразу и, как выразился Антонио, «взъерепенилась». Все, в чем виделась попытка манипуляции, вызывало у нее бурный протест. Хочешь мне понравиться и уверен, что у тебя все получится как не фиг делать? А вот и нет! Неприятие возникало вовсе не в результате «факторного анализа или построения четких силлогизмов», к которым призывал отец. Лора просто чувствовала, что Альберто не ее человек. Хотя, если бы не поступательно-наступательные телодвижения в ее сторону, не ласковые, нет, ласкающие глаза, прикладывание к ручке, заглядывание в лицо, Лора могла бы общаться с доном Хименесом вполне мирно. Он много знал, был прекрасным рассказчиком. Слушать его можно было бесконечно. Но и только.

По наивности или малолетству Лора думала, что если не замечать явных сигналов с его стороны и продолжать общаться по-дружески, то можно долго держаться на этой стадии отношений. Дон Хименес думал иначе. Однажды вечером, вернувшись с работы, Лора застала Альберто обсуждающим с ее родителями матримониальные планы. По взволнованным и счастливым лицам Антонио и Долорес она поняла, что вариант отказа в этом кругу даже не рассматривался.

Разговор с отцом состоялся в тот же вечер. Вернее, уже ночью, после того как откланялся окрыленный надеждами дон Хименес.

Антонио искренне не понимал, почему Лора не хочет замуж и собирается жить одна.

– Один – это неплохо. Только синонимический ряд подкачал! Одинокий, одиночка! Ты только послушай, как страшно это звучит! Так и до «одичалого» недалеко!

Когда Антонио Алонсо горячился, у него всегда потели очки. Он достал платок, но вместо очков вытер сухой лоб.

– Сейчас это тебя не пугает. Понимаю. Но… не понимаю почему?

– Папа, не в этом дело! Я не хочу одичать! Я нормальная! Но мне не все равно с кем! Это ты можешь понять? – отбрыкивалась Лора.

– Именно об этом я и говорю! И нам не все равно! Тут мы с тобой едины! – наседал Антонио.

– Хватит уже синонимических рядов!

– Сарита, прекрати орать как дикий осел!

– Ору, потому что ты меня в упор не понимаешь!

– Я понимаю тебя лучше, чем ты сама! Дон Хименес – один из нас! Сохранится главное – единая ментальность! Испанский дух! Кровь!

– Уууу!!! – взвыла непокорная дочь. – Не могу больше! Все!

И хлопнула дверью. А на следующий день собрала вещички и съехала.

Как объяснили ее переселение из родного дома на съемную квартиру у черта на куличиках дону Хименесу, Лора не спрашивала. Но, похоже, он все понял. Или ей так казалось? Во всяком случае, перестал маячить у нее перед носом, что было неплохо само по себе.

Хотя… иногда Лоре казалось, что он просто затаился.

Ольга Тимофеевна

В то время Лора писала работу по портретному искусству восемнадцатого века и часто работала в Строгановском дворце, музейные экспозиции которого включали несколько замечательных работ того времени.

Там Лора познакомилась с Ольгой Тимофеевной, одной из смотрительниц, которые обычно сидят на стульчиках у входа в залы. Старушка обратила на себя внимание Лоры своей непохожестью на строгих музейных дам. У нее были ярко-розовые волосы и малиновая помада на губах бантиком. Девушка присмотрелась к необычной смотрительнице и почувствовала необъяснимую симпатию, словно к родному, давно знакомому человеку. Старушка была такой же белой вороной в славном племени музейных работников, как и Лора в своей семье.

Потомственная ленинградка, Ольга Тимофеевна прожила в этом городе безвылазно всю жизнь. Ее мать девочкой пережила блокаду, потеряв всю семью. После войны замуж не вышла. Мужиков было мало, да и те на тощую блокадницу, пусть даже молоденькую, не клевали. Из эвакуации вернулось много женщин. Их тоже потрепало войной, но все же они были более откормленными и бойкими. Аделаиде ничего не оставалось, как постараться хотя бы родить ребеночка, чтобы было зачем жить. Сначала она попробовала с двумя сотрудниками наркомата, где трудилась машинисткой. Ничего не получилось. То ли плохо старалась, то ли в блокаду все в ней вымерзло и высохло. Последнюю отчаянную попытку она предприняла, когда к соседке вернулся муж. Безногий, весь израненный, да еще сильно пьющий Силантий казался совсем не годным для этого дела, но Аделаиде больше ничего не оставалось. Когда соседка уехала в деревню за картошкой, она напоила бедолагу и буквально завалила на себя. Наутро Силантий ничего не помнил, а она начала ждать. И чудо случилось. Через месяц Аделаида поняла, что беременна. Девочка родилась недоношенной и слабенькой, но выжила. Аделаида назвала дочку Ольгой в честь поэтессы-блокадницы Ольги Берггольц, а отчество записала по своему батюшке – Тимофеевна.

Несмотря на болезненность, Ольга росла любознательным и веселым ребенком, много читала и хорошо училась. После семилетки освоила профессию стенографистки и устроилась по протекции Аделаиды в тот же наркомат. Все бы хорошо, только с мужиками у Оленьки не ладилось, как и у матери. Не то чтобы она была некрасивой, но, видно, так уж им обеим на роду было написано. Мужики рядом с ней надолго не задерживались. Словно природа мстила за то, как Аделаида зачала ребенка. Соседка, жена Силантия, родила мальчонку почти одновременно с Аделаидой. Витек и Ольга росли вместе и славно дружили, но, вернувшись из армии, парнишка надумал жениться на подружке. Аделаида, услышав эту весть, отвела дочь подальше от дома, в парк, и там растолковала что к чему. К новости, что Витек приходится ей родным братом, Ольга отнеслась с юмором, мать винить не стала и жениха отшила в тот же день. Парень обиделся и по примеру папаши запил. Соседка взялась было скандалить, но

Ольга быстро заткнула ей рот и спровадила. Вечером они с матерью, правда, немного всплакнули, но делать нечего, и две одинокие женщины продолжали жить дальше.

Аделаида протянула до восьмидесяти. После ее смерти Ольга осталась в их коммунальной квартире одна. Силантий с женой померли еще раньше, сгинул где-то на Северах и Витек. Две комнаты стояли закрытыми, в третьей жила Ольга Тимофеевна. Чтобы не сдохнуть от одиночества и скуки, она начала чудить. То летом отправится гулять в костюме снеговика, то прицепит на самокат клаксон и рассекает на нем по улицам, пугая прохожих, то купит парик Снегурочки с белой косой и кокошником сверху и пойдет в булочную. Розовые волосы были самым невинным развлечением. Она все-таки не была сумасшедшей и понимала, что в музее разгуляться ей не дадут. Быстренько спровадят вон. А ей нравилось работать в великолепных дворцовых залах, рассматривать посетителей, слушать экскурсоводов, а после смены не спешить домой, а читать книги в знаменитой библиотеке или прогуливаться по опустевшим залам, пока уборщицы наводят чистоту.

За двадцать лет работы в музее Ольга Тимофеевна увидела и узнала много интересного. Только менее одинокой от этого не стала.

Молодая сотрудница научного отдела подошла к Ольге Тимофеевне познакомиться на пятый день своего появления в Строгановском дворце. Она была интересная, эта смуглая черноволосая девушка яркой неславянской внешности. Ольга Тимофеевна всегда любила новые знакомства, они разговорились и легко сошлись, понравившись друг другу. Причина столь быстрой взаимной симпатии была непонятна, но натура обеих была такова, что раздумывать над этим они не стали, а просто получали удовольствие от общения.

Старушка сразу стала называть новую подругу Лолкой, а та ее – Тимофевной, Мадам или Ваша светлость. Они полюбили пить чай с белевской пастилой во время обеденного перерыва и болтать обо всем на свете. Узнав, что из-за конфликта с родителями девушка живет на съемной квартире в пригороде и добирается до работы почти два часа, Ольга Тимофеевна, не раздумывая, позвала ее к себе. Лора согласилась, и, ко всеобщему удивлению, они дружно зажили вдвоем в квартире на Захарьевской улице, недалеко от Литейного проспекта. Тимофевна открыла комнату, которая принадлежала когда-то ее деду и которой она не пользовалась. Они вымыли и вычистили все, что можно,

выбрали вместе новый диван, установили на кухне душевую кабину, купили новый чайный сервиз и чайник со свистком.

Вечерами они вели беседы на самые разные темы. Им было интересно и весело друг с другом.

– Вот скажи мне, Лолка, как ты с таким характером да и пошла на такую работу? – недоумевала Ольга Тимофеевна.

– С каким таким и на какую такую, Мадам?

– Характер у тебя бойкий и… как бы это сказать… взрывоопасный, а работа степенная, кропотливая и… скучная, уж извини.

Лора захохотала.

– Насчет характера вы правы на все сто, но про работу не соглашусь. История искусства – это же Клондайк открытий! Я писала диплом по Жан-Марку Нантье. Это художник начала восемнадцатого века, который портреты Петра Первого и Екатерины, жены его, написал. Так я столько накопала, что просто запала на это дело! Ни один жанр не вызывает столько немыслимой путаницы, как портрет. А в восемнадцатом веке с атрибуцией вообще беда была! Это дико интересно – получить неизвестную работу неизвестного художника, а потом откопать и художника, и модель. То есть их имена, а не трупы. Или найти картину, которая считается утраченной. Это просто кайф!

Лора запихала в рот кусок пастилы и даже головой помотала от наслаждения.

– До чего я пастилу обожаю! А еще финики! Надо завтра купить. Чайку подлить?

Вечер прошел очень весело. Они много смеялись и не подозревали, что неприятности уже на подходе и совсем скоро станут угрозой для их развеселой жизни.

Галя

Утром Галя выбросила увядшие цветы и вымыла вазу. Звонок матери отвлек, и она не успела обтереть вазу насухо. Целый день на работе ее мучила мысль о том, что на полке остался мокрый след. Вернувшись домой, она первым делом кинулась к вазе. Так и есть! Даже к вечеру мокрый кружочек не подсох. Это было ужасно! Схватив тряпку, она вытерла полку и аккуратно расставила милые сердцу вещицы – шкатулку «для драгоценностей», фигурку ангелочка с крылышками, свою фотографию в красивой рамке и тарелочку на подставке, в прошлом году привезенную из Турции. Ну вот. Теперь все правильно. Она посмотрела в зеркало и в который раз понравилась себе. Вот уж действительно – что хорошо, то хорошо.

Галя Гнатюк считала себя очень порядочной девушкой. В прямом и переносном смысле слова. На практике это означало, что к двадцати пяти годам она не спала ни с одним мужчиной и любила порядок во всем. Галя называла это «гигиеной души и тела» и гордилась ее доминированием в своей жизни. При этом она не была «синим чулком» – любила посидеть с подружками в кафе, выпивала по праздникам и кокетничала с парнями. Но раз и навсегда в ранней юности определив для себя границы дозволенного, никогда их не нарушала, чем безусловно гордилась.

С двадцати одного года Галя жила отдельно от родителей. «Самостоятельная жизнь» также была одним из пунктов, необходимых, по ее мнению, для безупречной упорядоченности существования. Квартира пусть и небольшая, но непременно своя. Обстановка тоже соответствовала пониманию того, как должно выглядеть жилище порядочной девушки. В комнате полированная «стенка» от окна до двери, напротив диван, по бокам два кресла из того же гарнитура, журнальный столик на ковре перед диваном, телевизор – в нише напротив. Шторы под цвет бежевеньких обоев украшали ламбрекены, на подоконнике и небольших полочках на стенах стояли одинаковые горшки с цветами. Кухня и прихожая тоже были образцом правильности. Особенно хозяйке нравился «кухонный уголок», состоящий из столика и углового диванчика. Каждый день, проходя с влажной тряпкой по квартире, Галя снова и снова убеждалась, что чистота и порядок – главные условия счастливой жизни правильной женщины.

Отметив двадцатипятилетие, Галя решила, что пора обзавестись семьей. Решение не было спонтанным. Просто сперва надо было твердо стать на ноги в профессии и наладить быт. Дослужившись до ведущего бухгалтера приличного медицинского учреждения и обустроив жилище, она осознала, что пришло время

шагнуть на следующую ступень. Будучи девушкой умной, Галя понимала, что в их крохотном городишке правильного мужа не сыскать. Для ее планов нужен был солидный вариант, а его можно было найти только в большом городе. Для этой цели Петербург вполне годился. Сам город, по мнению Галины, был не совсем правильным в смысле нравов, но женихов в нем водилось, несомненно, достаточно для того, чтобы сделать верный выбор.

Основательно все обдумав, Галя стала действовать.

Лора не спешила домой. Надышавшись краской и химикатами в лаборатории, где сегодня пришлось пробыть целый день, она чувствовала легкое головокружение и решила пройтись пешком. К тому же как можно медленнее. Погода располагала. Весна только начинала теплиться, но воздух уже пропитался ожиданием чуда. Пахло арбузом, талой водой и мокрой корой. Лора неторопливо шагала вдоль Мойки, стараясь надышаться весенними ароматами. Настроение медленно становилось лирическим и вдохновляло купить мороженое, стаканчик с жареными орехами или пучок вербы с еще не распустившимися нежными почками. Она поискала глазами и увидела тележку с мороженым. Крепкий поджаристый рожок с пломбирным шариком внутри повысил настроение еще на пять градусов. Можно погулять до Дворцовой набережной, постоять у парапета, а потом нога за ногу двинуться домой. Идея была замечательной. Лора уже приготовилась счастливо вздохнуть, и тут раздался звонок.

Тимофевна скороговоркой выпалила, что у них проблемы, надо срочно бежать домой, иначе ее, старушку древнюю, кондратий хватит, и отключилась. Доедая на ходу мороженое, Лора припустила на Захарьевскую. Ольга Тимофеевна ждала на пороге. Розовые волосы веером стояли вокруг головы, глазки-пуговки на нарумяненном лице горели негодованием.

– Лолка, черт ти дери, где ты ходишь, запинаясь? Я тут чуть не сдохла!

Лора испугалась.

– Ольга Тимофеевна, вам плохо? Что болит?

– Да нет! – старушка топнула ногой от нетерпения. – Не то болит, что болит! А то болит, что на нас надвигается катастрофа!

– Не поняла! Что случилось-то?

– Случилось все самое поганое!

– К нам едет ревизор?

– Хуже! К нам поселяется Галя!

– Господи боже мой! Какая Галя?

– Не поминай Господа всуе! Тем более что он тут ни при чем! Тут работал его оппонент!

Лора решила, что пора привести разбушевавшуюся подругу в чувство.

– Так, стоп! Я все равно ничего пока не понимаю, поэтому поступим так. Сначала я разденусь и помою руки, потом мы сядем пить чай, и вы мне все расскажете? Сава?

– Требьен, мон шери, только предупреждаю, что до чая я уже окочурюсь!

– Уверяю, Мадам Тимофевна, что с вами ничего не случится.

Лора нарочито неспешно прошла в свою комнату и закрыла дверь. Что еще за Галя такая? Почему возможность ее появления на пороге так взволновала Ольгу Тимофеевну? Стоит ли и ей начинать нервничать? Девушка торопливо переоделась. Да ладно. Сейчас все узнаем и будем решать проблемы по мере их поступления.

Мадам Тимофевна сидела в уголке за кухонным столиком и, пригорюнившись, мешала ложкой манную кашу. Личико было грустным и жалостливым. Лора села напротив и налила им обеим чаю.

– Ну и что мы так всполошились? Что случилось? Кто такая эта Галя?

Старушка молчала, страдальчески скривив малиновые губки бантиком. Так, значит? Решила помучить? Следовательно, ничего ужасного не произошло. Ну, тогда и мы помолчим. Посмотрим, кто спасует первым.

Лора сконструировала себе бутерброд и, оглядев причудливую композицию из хлеба, сыра, ветчины, листиков рукколы, нарезанных кружочками помидорок, маслин и каперсов, откусила кусок.

– Мммммм… Моя прелесть! Как я всю эту вкуснятину люблю и обожаю!

Зажмурив глаза, она отхлебнула из кружки и примерилась ко второму куску.

– Паразитка ты! Как есть чистая паразитка! Мне кусок в горло не лезет, а она уплетает, аж за ушами трещит! Лолка – обжорка!

– Так я вас спрашиваю, а вы в молчанку играете! Что я, по-вашему, должна делать?

– Ничего! Вот припрется Галя, тогда узнаешь почем фунт лиха!

– Да хватит меня своей Галей запугивать! Лучше расскажите все толком и по порядку!

– Не буду ничего рассказывать! Вот сдохну, а тебя совесть замучает!

– Да за что ей меня мучить?

– За то, что думаешь, будто я просто со скуки верещу, а страшного ничего нет!

– Ничего я так не думаю!

– Думаешь, как пить дать!

– Уффф…

Лоре ужасно хотелось съесть свой дивный бутерброд, который надкушенным и брошенным лежал на тарелке. А еще допить свой стремительно остывающий чай. Надо завязывать с этой перепалкой.

– Ольга Тимофеевна, я вас официально предупреждаю. Если вы сейчас же не прекратите истерику и не расскажете, что случилось, я уйду в свою комнату и до завтра не выйду. Так и знайте.

Лора сразу поняла, что старушка струхнула. Так тебе и надо! Будешь знать, как спектакли устраивать! Она наконец откусила второй кусок и глотнула чаю.

Ольга Тимофеевна тяжело вздохнула.

– Ну так и быть. Прощу твой эгоизм и наплевательство.

– Ваша светлость!

– Да ладно, ладно! Я ж уже рассказываю!

Кривясь и вздыхая, старушка поведала историю своего знакомства с Галей. Та приходилась Ольге Тимофеевне седьмой водой на киселе. Она была внучатой племянницей того самого Витька, сводного брата по общему отцу и по совместительству неудачливого жениха. После смерти Силантия его жена снова вышла замуж, родила дочь, а та, в свою очередь, в третьем браке подарила миру Галю. Проблема была в том, что одна из комнат квартиры, в которой жила Ольга Тимофеевна, принадлежала Галиной матери. Саму мамашу Тимофевна видела от силы раза два. Первое время помещение сдавалось, и весьма успешно, но последние несколько лет приличных претендентов на комнату в квартире без удобств не находилось, а пускать разных проходимцев хозяйка жилплощади боялась: мало ли что, потом хлопот не оберешься. И тут комната в центре города приглянулась молодой наследнице – Галине.

Сначала Ольга Тимофеевна даже обрадовалась, что ее одиночество скрасит новая соседка. Она ждала с нетерпением и дождалась. Все началось прямо с порога. Галина вошла, вежливо поздоровалась и спросила:

– А что за ужас у вас на голове?

Ничего ужасного на голове Ольги Тимофеевны не было. Аккуратная коротенькая стрижечка. Правда, сбоку свисала длинная синяя косичка, но она смотрелась очень мило и, несомненно, украшала, придавая и без того стильному образу некую пикантность.

Ольга Тимофеевна замешкалась, а Галина прошла и по очереди заглянула во все двери.

– Фу, как у вас грязно…

Это была вопиющая ложь! Ольга Тимофеевна ценила чистоту и наводила ее регулярно, просто она любила художественный беспорядок, который, по ее мнению, отличал уютное жилище от гостиницы.

Задохнувшись, Ольга Тимофеевна открыла рот, чтобы ответить, но новая соседка уже вошла в принадлежащую ей комнату и скрылась, вежливо извинившись из-за закрытой двери, что не может больше разговаривать по причине великой усталости. Так и сказала – великой усталости.

Целый час Ольга Тимофеевна отпаивала себя чаем. Потом, успокоившись, решила, что проигранное сражение еще не означает, что проиграна война. Она тут живет много лет и не позволит новоявленной соседке портить настроение.

– Ничего страшного не произошло, – сказала она себе, – все может быть гораздо лучше, чем кажется.

Но все оказалось гораздо хуже. Галя вела себя так, будто бы она здесь хозяйка, а соседка – никчемная приживалка. Она смело вводила новые порядки, устанавливала свои правила, не спрашивала ничьего разрешения, ничьим мнением не интересовалась, всегда знала, как должно быть правильно, и считала свой выбор безупречным. При этом она всегда была довольна собой и ежедневно пребывала в хорошем настроении.

Последнее убивало Ольгу Тимофеевну больше всего. Пробиться сквозь железобетонную стену самодовольства и самоуверенности было абсолютно невозможно. Все попытки, порой очень активные и даже агрессивные, разбивались о непроницаемую, чисто вымытую поверхность Галиной души.

В конце концов вымотанная непосильной для ее возраста борьбой за выживание Ольга Тимофеевна решила тихо умереть, забившись за плинтус, и тут выяснилось, что Галина приехала не насовсем, а просто «погостить». Через три месяца невыносимых страданий Ольга Тимофеевна обнаружила дверь в комнату соседки запертой и опечатанной по всем правилам, то есть поперек двери была наклеена бумажка, а замочная скважина залеплена какой-то глиной, на которой виднелся оттиск то ли перстня, то ли печати, то ли еще чего-то, неизвестного науке.

Ольга Тимофеевна долго не могла поверить своему счастью, каждый день боялась, что соседка вернется, подходила к двери в комнату и прислушивалась: вдруг Галя затаилась внутри и ждет, когда ее жертва расслабится, чтобы снова появиться как черт из табакерки?

Прошел год, и Галина забылась, как страшный сон. И вдруг вчера Ольга Тимофеевна узнала, что Галя возвращается и, по-видимому, навсегда! Выяснилось это случайно. На домашний телефон позвонила Галина мать и поинтересовалась, приехала ли ее доченька домой. Она так и сказала – домой! Ольга Тимофеевна облилась холодным потом.

– Судьбы свершился приговор! – закончила она свое повествование.

Лора видела, что подруга расстроена и испугана не на шутку. Она впервые видела Тимофевну в таком состоянии. Обычно бойкая и неунывающая, старушка сидела, скорчившись и поникнув, как писал поэт, «гордой головой».

– Так. Ну что ж, предыстория интересная. Даже захватывающая. Непонятно только, чего вы так струхнули? Ну, Галя, ну, едет… И что из того?

– В этот раз она меня доконает…

Лора фыркнула.

– Ха! Да не родился еще тот богатырь, который вас доконает! Просто вы не были готовы к татарскому набегу вот и оплошали! Теперь враг не застанет вас врасплох! Помните, мы читали у Фредерика Бакмана, что бабушка никогда не бывала жертвой несчастного случая, наоборот – все несчастные случаи

становились ее жертвами? Так это про вас! Кроме того, нас теперь двое! Пусть попробует воевать с превосходящими силами противника! Я теперь живу тут не на дармовых хлебах, а как полноправная хозяйка.

– Только это меня и вдохновляет. Как хорошо, что я тебе дедову комнату продала.

– Это было провидческое решение. Пусть теперь ваша ужасная Галя попробует покуситься на наш покой!

– Ты ее не знаешь…

– Так и она меня не знает! Полно горевать! Пока мы едины – мы непобедимы! Ротфронт! Сарынь на кичку, как говаривал Стенька Разин, и все такое.

– Я боюсь, – продолжала хныкать Тимофевна.

– Плюнуть и растереть! Лучше знаете что? Выпьем-ка по рюмашке! А? Что скажете?

Этот прием всегда действовал безотказно! Тимофевна встрепенулась и заблестела глазом.

– Заметьте! Не я это предложила!

– Беру все грехи на себя! Ну что? Хлопнем?

– Эх… была не была! Аут висэрэ, аут морри! Со щитом или на щите! Где там у нас коньячок спрятан?

– Лечу, Мадам Тимофевна!

Лора достала из заначки в комоде початую бутылочку «Курвуазье», Тимофевна ловко накрыла на стол, и они начали свой маленький пир.

Вечер они провели в приподнятом настроении.

Игра в подкидного

На следующий день, когда Тимофевна еще сладко спала, Лора услышала, как кто-то открывает входную дверь. Она вышла из кухни и увидела хрупкую блондинку, втаскивающую в коридор огромный чемодан. Девушка обернулась и, увидев Лору, мило улыбнулась.

– Здравствуйте. Я вас не побеспокоила? Старалась войти как можно тише, чтобы никого не разбудить.

Лора несколько растерялась. Девушка не была похожа на кровожадного монстра. Напротив, весь ее облик говорил, что она нежное и беззащитное создание.

– Вы Галя? – с сомнением спросила Лора.

– Да. А вы… кто?

– Меня зовут Лора. Я здесь живу.

– В гостях?

– Ммм… Можно и так сказать.

– А… – протянула Галя, по-видимому успокаиваясь. – Понятно. А я думала…

– Что?

– Нет, ничего. Просто не знала, что у нас гости.

Ого! У нас? Хорошенькое начало! Не успела войти, как тут же обозначила свой статус! Я тут хозяйка, а ты всего лишь гость! Должно быть, это означает, что Лора должна знать свое место и не вякать! Милая девушка.

Лора хмыкнула и, повернувшись к соседке спиной, сказала:

– Ольга Тимофеевна действительно еще спит, так что постарайтесь потише.

Галя издала какой-то странный звук, как будто булькнула. Лора, не оборачиваясь, продолжала готовить завтрак, а когда вышла в коридор, то обнаружила, что соседка убралась в свою комнату.

Итак, знакомство состоялось и оно заставило Лору насторожиться. Девушка Галя, очевидно, была не так проста. Возможно, Ольга Тимофеевна не зря так паниковала. Ну что ж. Предупрежден – значит вооружен.

Утром Галя вышла на кухню одетая в симпатичное домашнее платьице, с аккуратной прической. Особенно мило смотрелся передничек с изображением фруктовой корзинки. Она вежливо поздоровалась и спросила, кто сегодня дежурный по кухне. Лора, помешивая кофе, ответила коротко:

– Вы.

– Я? – захлопав ресницами, удивилась Галя. – Но я только вчера приехала. Со мной никто ничего не согласовывал.

– Я просто не успела вас уведомить.

Лора перелила кофе из турки в две чашки и поставила их на поднос.

– А где же…

– График я вывешу сегодня.

– А почему…

– Ваши дни начиная с понедельника – день через два. Сегодня понедельник. Следующее дежурство в четверг.

– Но я не…

– На средства для уборки мы скидываемся раз в месяц по тысяче.

Никакого графика у них с Тимофевной отродясь не было, и на моющие средства, понятное дело, никто не сбрасывался. Покупал тот, кто первый вспоминал, что стиральный порошок закончился неделю назад, а бутылку от средства для мытья посуды выкинули вчера. Обычно этим человеком была Лора. Зато Ольга Тимофеевна обожала покупать шампунь, какой-нибудь новый, из рекламы, с поразительным эффектом, и мыло, вкусно пахнущее, «свеженькое», как она говорила. Такого добра у них всегда было с избытком. Они вообще никогда не обсуждали вопрос о том, кому мыть полы на кухне и в коридоре или убирать туалет. Право на это сразу застолбила за собой Лора. Еще не хватало заставлять Ольгу Тимофеевну ползать с тряпкой!

Заявление новоявленной соседки о «графике дежурств» было неожиданным, но всегда готовая отразить любую агрессию Лора отреагировала привычно и, гордая собой, не глядя на Галю, прошествовала в комнату Ольги Тимофеевны.

Старушка прихорашивалась перед зеркалом и как раз красила губки, когда Лора принесла кофе.

– Ты чего такая румяная? – спросила она.

– Провела первый раунд с нашей новой соседкой.

– Да ну?

Ольга Тимофеевна повернулась и с интересом посмотрела на подругу.

– И какой счет?

Лора хмыкнула.

– Один ноль в нашу пользу.

– Советую не впадать в эйфорию, – рассудительно заметила старушка, отхлебнув из чашки, – Галя так просто не сдастся.

– В этом я как раз не сомневаюсь. Но железобетонная уверенность в своих силах – ее слабость. Она настолько не сомневается в том, что всегда все делает правильно, что пропускает удар.

– Представляешь, вчера она поймала меня у туалета и спросила, сколько ты собираешься у нас гостить. У нее, видишь ли, есть ценные вещи, и присутствие чужого человека заставляет ее беспокоиться об их сохранности. Сучка!

– Ну, вы конечно сказали ей, что я выкупила у вас комнату и проживаю здесь на законных основаниях?

– Сказала бы, если бы она спросила. Но она же ничего не спрашивает! Она всегда все знает сама!

– Ну и не говорите. Это даже интересно. Посмотрим, что она будет делать.

– Лолк, может, не надо с ней связываться? Она страшная!

– Не страшнее ядерной зимы.

– Не уверена.

– Так что, купим тортик и пойдем на поклон?

– К кому?

– К вашей Гале.

– Еще чего!

– Значит, будем жить как жили и не позволим никому лишать нас радости бытия. А кто с мечом к нам войдет, тот от меча и погибнет! Ладно, допивайте кофе и побежим на работу. Сегодня нам по пути. Я в Строгановский.

Они вышли из дома вместе и, раскрыв зонтики, быстрым шагом пошли к Летнему саду, кроны деревьев которого виднелись впереди. Дождик был мелким и

неожиданно теплым, они болтали, перепрыгивали через лужи и скоро забыли о своей «непростой» соседке.

В самом деле, чего о ней думать?

Через несколько дней Лора поняла, что храбрилась зря. Жить как жили не получалось. Галя не давала расслабиться ни на день. Каждое ее появление в «местах общего пользования», как Галя называла кухню, становилось испытанием для нервной системы. Мягкой лапкой Галя тянула на себя одеяло жизни, отбирая его у других. Когда Лора была дома, она успешно пресекала поползновения соседки, но в те дни, когда Ольга Тимофеевна была не на дежурстве и оставалась одна, Галя, как вампир, высасывала из нее кровь. Беда была в том, что панический страх перед соседкой просто парализовал волю старушки. Лора этого понять не могла и злилась на подругу, но Ольга Тимофеевна продолжала смотреть на Галю как кролик на удава, пила таблетки и готовилась отойти в мир иной, что, как подозревала Лора, Галю вполне устроило бы.

Быстро сообразив, что с Лорой так просто не сладить и кровососущая тактика не сработает, Галя решила действовать жестко. Рано утром, когда обитатели ставшей в одночасье «нехорошей» квартиры только продирали глаза, явился участковый с двумя сопровождающими. Понятые, сразу догадалась Лора, увидев у порога двух теток с поджатыми губами.

Галя вышла из своей комнаты, как всегда аккуратно одетая и причесанная волосок к волоску. Ждала, значит. Лора лучезарно улыбнулась вошедшим и остановилась перед живописной группой, склонив голову набок и разглядывая незваных гостей. Участковый, пожилой неопрятный дядька, кашлянул и, встретившись с Галей глазами, нахмурил брови.

– Гражданка Алонсо Долорес Саритовна?

Привыкшая к искажению своего имени в некоторых кругах, не меняя выражения лица, Лора кивнула. Участковый посуровел еще больше.

– Ваши документики.

– С удовольствием продемонстрирую. Прошу пройти в комнату.

Лора церемонно поклонилась и сделала приглашающий жест. Как японская гейша.

Участковый оглянулся на теток, но те уже тронулись с места, с любопытством заглядывая Лоре через плечо. Гурьбой они ввалились в комнату и сгрудились у порога. Оглядевшись, участковый не торопясь взял паспорт, который опять же с поклоном протянула Лора. Тетки зашептались.

– Так, посмотрим.

Сдвинув фуражку с потного лба, он углубился в изучение документа.

– Тут написано Долорес Сарита. Без отчества. Это что?

– Это имя такое, гражданин начальник.

– Вы что, египтянка?

Батюшки святы! Он и про Египет знает!

– Я испанка. Поэтому имя у меня… испанское.

Участковый побагровел.

– На каком основании находитесь в нашей стране?

– Я нахожусь в нашей стране на том основании, что я – гражданка Российской Федерации. Родилась в городе Санкт-Петербурге, где и проживаю на данный момент.

– А прописка где? – встряла одна из теток.

– Гражданин начальник, вы страничку переверните, там про прописку все написано.

– Прошу не указывать! – рассвирепел представитель закона.

Страничку с отметкой о регистрации он рассматривал так долго, что даже тетки у него за спиной заскучали. Только Лора смотрела ласково и приятно улыбалась.

– Так, понятно, – наконец выдавил участковый, – и документики на помещение имеются?

– А как же! Кто ж меня зарегистрирует без документиков? А в чем, собственно, дело, товарищ участковый?

– Сигнал поступил.

Участковый вытер лоб и надвинул фуражку.

– Божечки мои, вот ужас! Сигнал? О чем же сигналили?

– Да получается… ни о чем.

Не глядя на теток, он стал пробираться к двери. Тетки всполошились и тоже полезли вон. Получилась небольшая сутолока. Лора наблюдала с удовольствием. Наконец компания, торопливо попрощавшись, убралась восвояси. Лора, помахав рукой и пригласив заглядывать в гости без церемоний, закрыла дверь и обернулась. Дверь в комнату Гали тихонько закрылась.

Пять-ноль в нашу пользу. В самом наилучшем настроении Лора пошла заваривать чай. Скоро встанет Тимофевна. То-то повеселится.

Весь день Галя не показывалась на глаза и вечером постаралась убраться в свою комнату до прихода Лоры. Ольга Тимофеевна, довольная одержанной викторией, еще до прихода подруги опрокинула рюмочку коньячку и вышла ей навстречу с огромным красным бантом в волосах.

– Это у вас что, фригийский колпак?

– Лолка, ты – мой герой!

– Не уверена. По-моему, я веду себя глупо!

К концу дня Лора остыла и была недовольна собой, поэтому от предложенного Мадам Тимофевной банкета отказалась.

– Мне, конечно, приятно умыть Галю, но, по правде говоря, жалко тратить столько времени и сил на доморощенного абьюзера. Получается, мы играем по ее правилам. Надо завязывать с этим подкидным дураком!

– Точно! Вовремя напомнила! Может, перекинемся в картишки?

Лора планировала поработать перед сном, но посмотрела на подругу и махнула рукой.

– Давайте.

– Тогда, может, по рюмашке?

– Хотите подпоить, чтобы я не заметила вашего жульнического жульства?

Ольга Тимофеевна сделала честные глаза и картаво сказала:

– Мы, русские, своих не обманываем.

И они засмеялись.

Ну почему бы не посмеяться? Не все же с Галей воевать.

Они прошли два круга и оба раза выиграла Мадам Тимофевна. Есть все-таки в жизни светлые моменты.

Вольдемар Щеглеватых

Следующий месяц Лора была очень занята, домой часто приходила только переночевать, и бои местного значения с Галей поутихли сами собой. Ольге Тимофеевне она наказала изо всех сил стараться избегать токсичной соседки, в конфликты не вступать и на провокации не поддаваться. Старушка так и поступала. Когда Галя оставалась дома, Тимофевна прытко собиралась и отправлялась гулять, благо весна в этом году выдалась теплая и мягкая.

Ну а Лора с головой ушла в работу над каталогом русского искусства восемнадцатого века и, кроме того, писала статью в серьезный журнал. И тут в разгар работы ее вызвал начальник.

С Вольдемаром Михайловичем Щеглеватых, заместителем директора конторы, они были знакомы давно – их родители с незапамятных времен жили в одном подъезде.

Щеглеватых-старший служил оценщиком в ломбарде и считался среди соседей знатоком искусства. Время от времени они обращались к нему с просьбами оценить вещи, которые собирались продать, или просто приходили поболтать с образованным человеком за рюмочкой чая о вечных ценностях. Михаил Иосифович был субтильным, низкорослым и неимоверно шустрым. С Лорой они часто встречались по утрам. Пока ученица съезжала по перилам, Михаил Иосифович вприпрыжку спускался по лестнице. Но когда девочка выбегала из парадного, Щеглеватых уже нигде не было видно. Иногда она успевала увидеть мелькнувший далеко впереди знакомый плащ, но и только.

Мамаша Щеглеватых, напротив, была дамой габаритной и не ходила – плыла. Михаил Иосифович смотрел на нее влюбленными глазами и называл «королевишной». Она шила на дому, что также считалось делом почетным и прибыльным. Долорес Алонсо ходила к ней перешивать свои платья или заказать новые – для дочери. Снимая мерки, Сара Борисовна учила соседку жизни.

– Ты носишь учителю? Нет? Дорогая моя, запомни, не подмажешь – не поедешь! Подумай о ребенке! Ты мать!

Мама, краснея и стесняясь, несла учительнице подарок. Лора ненавидела такие дни. Ей почему-то было ужасно стыдно. Она не могла смотреть учительнице в глаза и чувствовала себя униженной. Сама Сара Борисовна постоянно что-то

носила в школу и делала это спокойно, на виду у всех, ничуть не смущаясь.

Не смущался и отпрыск этой семейки с громким именем Вольдемар. Он был всегда расслаблен, вальяжен и снисходительно добродушен. Комплекцией он пошел в мать, а поднявшись довольно рано по служебной лестнице и заняв статусную должность, быстро погрузнел и обрюзг.

Щеглеватых-младший был старше Лоры на девять лет, но считался другом детства и на правах этого самого друга позволял себе в общении с ней то вольности, то строгости в зависимости от ситуации. Он единственный называл ее Дорой, и в его устах это сильно напоминало «дуру». Лора злилась и даже поначалу с переменным успехом боролась с его, как ей казалось, снобизмом. А через какое-то время догадалась – Щеглеватых отлично понимает, что его манера общения граничит с хамством, а также то, что это неприемлемо, особенно в их профессиональной среде. Позволяя ему некоторые вольности без фривольностей, она, в свою очередь, приобретала право нарушать субординацию и открыто манипулировать им, когда нужно было от него чего-нибудь добиться. Разумеется, в благих целях. Она приняла правила их с Вольдемаром игры, поэтому делала вид, что не замечает звуковой идентичности между «Дорой» и «дурой», проявляя снисхождение к его слабостям.

Тем более что, опять же на правах подруги детства, наедине называла его Вовчиком, и это хоть немного уравнивало счет.

Каких-то матримониальных поползновений от друга детства в свою сторону она не опасалась. Вольдемар выбирал в любовницы исключительно страшных женщин. Недоумевающим приятелям объяснял, что живет по завету Пруста, призывавшего оставить хорошеньких женщин мужчинам без воображения. У него самого воображения было хоть отбавляй. Последняя пассия, которую он увел у богатого итальянского мужа, была поразительно безобразна, но при этом дьявольски умна и харизматична настолько, что брошенный муж два года пытался вернуть свое сокровище, посылая ей цветы, слезные письма и коробочки с бриллиантами.

– Дорочка дорогая, – приветствовал ее Вовчик, – заходи, не стесняйся.

И помахал рукой.

Миролюбиво улыбнувшись и проглотив «Дорочку», как две капли воды похожую на «дурочку», Лора присела к столу.

– Тааак, – протянул начальник, – хочу тебя, моя прелесть, заслать в музейчик один заштатный.

– С какого перепугу?

Лора выгнула бровь.

– Помнишь, год назад вы с Гаврилой Чернышевским делали каталог по восемнадцатому веку и в одном районном музее в запасниках нашли несколько полотен с неопределенной атрибуцией? Одно из них проходило как «Девушка с вазой» неизвестного художника. Ну, вспоминай. Девушка анфас, телом чуть влево, перед ней на столе ваза с цветами, правая рука на столе. Сюжетец немудреный. Но и он считывался плохо.

– Что-то припоминаю.

– У них еще на заре советской власти в конце двадцатых хранилище затопило. Многое погибло, в том числе каталоги. Поэтому атрибуция послевоенная, когда тех, кто что-то помнил, не осталось. Так вот. Гаврила эту «Девушку с вазой» окучивал, окучивал и доокучивался. Вчера он выдал, что автор – модная в восемнадцатом веке художница, вся из себя французская Элизабет Виже-Лебрен. Причем картина не что-нибудь, а портрет графини Анны Сергеевны Строгановой. И не просто портрет, а парный к портрету ее муженька, который эта Лебрен написала в Вене в семьсот девяносто третьем году.

Лора вытаращила глаза.

– Ты имеешь в виду парный к портрету Григория Александровича Строганова, который в Эрмитаже висит?

Вовчик молча кивнул.

– Да этого быть не может! Портрет Анны Строгановой еще в двадцатых годах прошлого века потерялся!

– Не совсем так, Дорочка. Ты же помнишь, в сорок четвертом году он мелькал на аукционе.

– Так это был американский аукцион. Как портрет мог у нас очутиться?

– Авторский повтор или копия.

– Верую, ибо абсурдно?

– Вот только не надо в меня Тертуллианом тыкать! – взъярился Вольдемар.

– Я к тому, что это может быть просто какая-нибудь Авдотья Ермолаевна Спичкина! – не сдавалась Лора.

– Вот ты и выяснишь.

– У них на районе что, своих спецов нет?

– Алонсо, о чем ты? У них на районе сто лет картина в запасниках гибнет. Если до сих пор не собрались, значит нет!

– А почему Гаврила Николаевич не едет?

– Он там уже был. Полотно в плохом состоянии. Кракелюр неслабый – потрескался не только лак, но, возможно, и красочный слой. Изображение едва просматривается. Потоп, я же говорю. Гаврила Николаевич… Вот черт! Не могу к его имени привыкнуть! Неслабое, видать, чувство юмора у его родителей! Чернышевский – сотрудник молодой, неопытный и… увлекающийся. Причем постоянно. На месте ничего не выяснил и картину не привез. Не смог, понимаешь, принять правильное решение.

«Неубедительно убеждаешь», – подумал Вовчик, пожевал ус и посмотрел в окно.

«Там хорошо, там воздух свеж, – вдруг сочинилось у него в голове, – там люди ходят цвета беж». Получилась ерунда. Вольдемар поднапрягся. «Там хорошо, там месяц май, а ты сиди тут подыхай». Получилось лучше. Он развеселился.

Заметив это, Лора пододвинулась поближе к столу, уселась поосновательнее и приготовилась стоять до конца.

– Если ты измором решила взять, – с ходу разгадал ее маневр начальник, – то я сбегу через задний проход.

– Я тебя и там достану, – пообещала Лора. – У меня работа ушами льется.

– У всех льется.

– У меня еще статья в ваковский журнал. Сроки проходят.

– У всех сроки проходят. У меня вообще скоро климакс.

– Иди к черту, Вовчик. Я не шучу.

Щеглеватых молчал, Лора поняла, что вопрос закрыт, но не могла не сделать последнюю попытку.

– Вольдемар Михайлович, – начала она, набрав побольше воздуху.

– Не поминай меня всуе, Алонсо! – начал свирепеть начальник, но остановился и продолжил уже мягче: – Ты пойми, кроме тебя никто с этим ребусом не справится. Ты, несомненно, лучший специалист по портрету восемнадцатого века. А потом, подумай, это же открытие! Найти картину, которую наши современники видели… только на картинке!

– А ты знаешь…

Договорить он не дал.

– Не знаю! Иди уже!

Лора поплелась к выходу и уже оттуда съязвила:

– Как это ты не знаешь? Ты же бог. Ты повсюду.

И показала руками.

Узнав о командировке, Ольга Тимофеевна слегка похныкала, а потом решила на время отсутствия Лолки – королевы воинов съездить в Тихвин погостить у подружки с работы, которая, выйдя на пенсию, переехала к дочери и теперь жила в большом коттедже, занимаясь воспитанием внуков и выращиванием цветов с поэтическим названием «клематисы». В «глуши забытого селенья» подруга скучала, внуки доставали ее неимоверно, кроме того, демонстрировать дивные клематисы и хвалиться селекционными успехами оказалось некому, поэтому робкое предложение Тимофевны приехать в гости было встречено с небывалым энтузиазмом.

Узнав, что за Мадам Тимофевну можно не волноваться, Лора отправилась в «поход за славой».

Тебе нужен Фриц

На месте удалось сделать немного. Лора пропахала картину вдоль и поперек, просветила, изучила все документы, но, вопреки утверждению восторженного Чернышевского, определенного мнения не составила. Оборудование в музее было «времен очаковских и покоренья Крыма», а значит, для дела не годилось. Наобещав с три короба всяких чудес, написав стопку расписок, отправив и получив кучу сканов с подписью директора, Лора вернулась и сразу побежала к другу детства.

Отдышавшись, она поставила на стол тубу с картиной.

– Надеюсь, там односолодовое виски двадцатилетней выдержки? – спросил начальник, роясь в столе.

– Принимай работу, а я пошла своими делами заниматься.

– С ума сошедши, Дорочка? – из-под стола показался круглый Вольдемаров глаз. – Мне возиться недосуг. У меня малые голландцы месяц пылятся, а ты хочешь, чтобы я на рельсы лег!

Он еще немного пошуршал в столе и спросил:

– Ну, что ты думаешь? Она?

– Не знаю.

– Другими словами, ты уверена, что это не Виже-Лебрен и не Анна Строганова?

– Нет, не уверена. Изображение действительно почти точно совпадает. Сюжет, фигура модели, поза, ваза. Все есть.

– А чего нет?

– Чего-то нет. Возможно, писалась с оригинала, но позже.

– Покажи.

Вольдемар Михайлович, надев очки со вставленными увеличительными стеклами, развернул полотно и стал смотреть. Потом снял «окуляры», как он любил их называть, и еще минут пять возил по картине носом.

– Да-с. Но все равно не пойму, с чего ты взяла, что это не она? Ни хрена же не понятно?

Лора вдруг поняла, что Вовчику очень хочется, чтобы картина оказалась подлинником. Славы жаждет?

– Тебе нужен Фриц, – вдруг сказал он.

– Зачем?

– Затем, что мне эта работенка не по зубам. Вещь разрушена капитально. Пусть не на сто процентов, но… Смотри, холст весь скукоженный, лак в трещинах по всему полю, то есть процент кракелюра, как я и думал, офигенный! А тут что? А здесь и здесь? Вообще катастрофа!

– Вовчик, я не верю, что ты собираешься это на меня повесить, – заныла Лора. – Где эта сволочь Гаврила Николаевич? Чернышевский все закрутил, пусть он и канителится.

– Чернышевский слег с воспалением легких. Это месяц, не меньше. Вся надежда на тебя. Кроме того, я даю тебе наводку на лучшего спеца. Да, да, да! Лучшего! Даже я это признаю. Готов подключиться – лично уговорить его взяться за перспективное предприятие.

– Ты уверен, что перспективное?

– Нет, не уверен. Поэтому рекомендую единственного, кто сможет отреставрировать полотно, при этом так, чтобы ты могла сделать однозначную атрибуцию и прославиться в веках.

Лора ныла и канючила до последнего, потому что была уверена – неведомый Фриц ни за что не согласится работать с картиной, вернее с тем, что от нее осталось. Однако Вовчик был непреклонен.

На следующий день она потащилась в мастерскую гения. Добираться да Гатчины пришлось на электричке: шоссе было забито машинами. Реставрационная мастерская располагалась в старом доме, недалеко от дворцового парка. Лора поднялась на второй этаж и постучала в обитую дерматином дверь. Ни слова в ответ. Она поискала глазами звонок. Не нашла и постучала громче. Снова тишина. Лора потянула за ручку. Дверь легко и бесшумно открылась. В угловой комнате было пять больших окон и столько света, что пришлось приложить руку к глазам козырьком, чтобы иметь возможность рассмотреть хоть что-нибудь.

– Здравствуйте, – наугад сказала она.

Что-то качнулось сбоку.

– Вот черт! – низким голосом сказал кто-то невидимый за ширмой, стоящей в правом углу.

– Извините, мне нужен Фриц!

– Кто?

– Фриц. Не знаю отчества.

За ширмой хмыкнули.

– А вы кто такая? – продолжая оставаться невидимым, поинтересовался низкий голос.

– Дора, – почему-то ответила она.

– А Дора – это Доротея или Иссидора?

– Нимфадора, – начиная потихоньку беситься, сказала Лора.

Голос не сдавался.

– Нимфадора? А разве есть такое имя?

– А как же. В переводе с греческого означает «дар нимфы».

Еще минута, и я пошлю его к черту!

И тут из-за ширмы вылез высокий мужик, вытирая полотенцем мокрые волосы.

– Извините, что так вас встретил. Решил голову помыть, а тут вы.

Он стоял против света и разглядывал посетительницу, а она по-прежнему видела его плохо.

– Вы Фриц? – решительно пройдя вперед, чтобы уйти от ослепляющего солнца, спросила Лора.

– В целом да.

– А в частности? – она уже разозлилась и решила не церемониться.

– Иногда меня зовут Германом. Иногда Германом Александровичем.

– А Фриц тогда откуда?

– Из-за имени. Раз Герман, значит Фриц.

– Логично. – Ей стало смешно.

Лора развернулась и могла наконец рассмотреть Германа – Фрица во всей красе. Молодой. Это странно. Ожидалось, что корифей реставрации будет возрастным человеком. А этот едва ли намного старше ее. И на реставратора совсем не похож. Ну ни разу. Скорее на спортсмена или на… неизвестно кого, только не на жителя реставрационных мастерских. Стоит без майки, не стесняется. Конечно, чего стесняться таких плеч и мышц! Лоре отчего-то стало неловко.

– Тогда уж и я представлюсь. Долорес Сарита Алонсо.

Герман напялил футболку и протянул ей руку.

– Я слышал о вас. Много хорошего и…

– Плохого? – подсказала она.

– Ну, не то чтобы… Говорят, что вы заноза в заднице и характер у вас жуткий.

– На самом деле я гораздо хуже. Но на вас это не отразится, если поможете с одной картиной.

– Ого! С ходу за шантаж?

– А чего тянуть? Вольдемар Михайлович сказал, что, кроме вас, помочь некому. Так что обещаю – если согласитесь, доставать и вредничать не буду. Наоборот, буду паинькой.

– Точно? А то я немного побаиваюсь.

Лора улыбнулась своей знаменитой улыбкой и повела бровью.

– Зуб даю!

Они захохотали. Герман смотрел открыто, без подтекста, и смеялся хорошо. Лора немного приободрилась.

Фотографии на планшете он рассматривал долго, приближая, поворачивая и высветляя изображение. Лора уже решила, что Фриц все-таки откажется. Ну что ж. Тогда она с чистой совестью переложит эту непосильную ношу на Чернышевского, который, по слухам, пошел на поправку.

– Я попробую, – наконец сказал Герман, – только быстро не получится. И сразу скажу, что торопить меня бесполезно.

– Хорошо. Конечно, я понимаю. – Лора незаметно вздохнула. – Картина, если это все же она, ждала почти сто лет. Ее следы потерялись в начале двадцатого века. Считалось, что она вообще в Америке.

– Но я, кажется, видел этот портрет в интернете.

– В том-то все и дело. Изображение осталось. Картина исчезла.

– Расскажите. Лучше ищется, если знаешь, что искать.

Лора поведала историю парных портретов супругов Строгановых, которые были разлучены более двух столетий. Один сразу попал в Эрмитаж, а другой пропал во время своих путешествий по разным коллекциям.

– Портреты были разлучены? Они так любили друг друга? Я про Григория и Анну.

– Не знаю. Анна, урожденная Трубецкая, была на пять лет старше мужа. Григорий ей изменял направо и налево. Ходок был еще тот! После смерти Анны женился как раз на любовнице.

– Тогда горевать не о чем?

– Не уверена. Они прожили вместе тридцать лет и родили шестерых детей.

– Ого! Непохоже на несчастный брак?

– Точно. Один из сыновей, Сергей Григорьевич, кстати, Строгановское художественное училище основал.

– Вы именно там учились? В Строгановке?

– Именно. А что?

Спросила она почему-то с вызовом и вдруг поняла, что ужасно нервничает. А когда она нервничает, то ведет себя неадекватно – злится, ерепенится, грубит почем зря, а иногда и того хуже – нарывается на скандал. Так дело не пойдет, а то этот Фриц решит, что перед ним, как говорит мама, «фрустрированный девиант». Мама работала психологом и знала толк в терминах.

Надо отвлечься. Лора ухватилась за любимую тему.

– Вы, конечно, знаете, парные портреты всегда сходны – поза, одежда, поворот головы, – тоном экскурсовода заговорила она. – Кстати, портрет Григория, на мой взгляд, удачный. Он не такой зализанный, как другие работы Виже-Лебрен. Очень живой. Портрет Анны должен быть идентичен по стилю и написан в той же манере. Щеглеватых почему-то очень надеется, что и это – работа Виже-Лебрен. Хотя, по-моему, его вполне устроит даже копия.

– А вы как думаете? – поинтересовался Фриц.

– Мне кажется, это полотно немного моложе оригинала. Но я могу ошибаться.

Фриц еще раз задумчиво посмотрел на фотографии.

– Портрет Григория Строганова, насколько я помню, овальный, а эта работа прямоугольная.

– Посмотрите внимательнее. Вот сюда.

– На фото всего не видно, но… Его дорисовывали?

– Ага, и гораздо позже.

– Согласен. Вы умница.

– Согласна. Я умница.

Герман улыбнулся про себя.

– Хорошо. Будем считать, что вы покорили меня своим умом.

Лора вздернула бровь.

– А еще чем?

«Всем»! – чуть было не сказал он.

– Тем, что это, возможно, действительно портрет Строгановой. Мне будет интересно.

– Почему?

– Ну, может быть, потому, что моя фамилия Строганов.

Лора вытаращила глаза.

– Вы Строганов? Но ведь потомков по мужской линии не осталось. Последний умер в Ницце в 1923 году.

– А я и не говорил, что потомок. Просто однофамилец. Но это же интересно: искать людей с такой же фамилией.

– Наверное. Я тоже недавно узнала о своей фамилии много интересного.

– Ваша фамилия, кажется, испанская?

– Да. Мой дед из детей испанских коммунистов, которых вывезли в СССР. Раньше я думала, что он просто детдомовец без роду без племени. А оказалось, из испанских грандов. Алонсо де Витория.

И зачем она это говорит? Можно подумать, хочет впечатление произвести. Вот, мол, посмотри, какая я крутая!

Фриц в самом деле был впечатлен.

– Ого! Звучит! Знаете, меня дед тоже из детдома забрал. Так что я точно без роду без племени.

– Фамилия вашего деда Строганов?

– Да нет. Сайкин.

– Значит, вы уже в детдом поступили Строгановым?

– Наверное. Честно говоря, не задумывался.

– Так, может…

Он засмеялся.

– Воображение у вас богатое, сразу видно. Только Строгановых, в отличие от Алонсо де Витория, в России пруд пруди. Тем более что потомков по мужской линии, как вы сказали, не осталось. А это значит, что мы с вами не пара. Вы грандесса, а я крестьянский сын.

– Кажется, я вам себя еще не предлагала.

– Да я не в том смысле.

– Я шучу.

– Я тоже.

Они посмотрели друг на друга. Первой не выдержала Лора. Она перевела взгляд на рабочий стол и спросила уже другим тоном:

– Вы икону Николая Мирликийского реставрируете? Можно посмотреть?

– Можно. Почти закончил, так что не сглазите.

Она подошла и посмотрела.

– Пятнадцатый век. Таких уже мало осталось. Нашли в одном разрушенном храме под Вологдой. Хранилась в тайнике. Сильно пострадала, конечно. Но лик сохранился, поэтому я взялся.

Они вместе склонились над небольшой иконой.

– Какие линии чистые. Словно рисовали в одно касание, – с искренним восхищением сказала Лора.

– Простота без пестроты.

– Точнее не скажешь. Это ваши слова?

– Нет, Епифания Премудрого.

Лора видела, что Герман доволен своей работой. Их головы почти соприкасались, и она внезапно почувствовала, что щеки начинают гореть от этой близости. Что такое? Первый раз видит человека, а уже на него запала?

Лора быстро выпрямилась, чуть не стукнув Германа по носу. Он вовремя отпрянул. Они снова посмотрели друг на друга и на этот раз покраснели оба. Что за ерунда? Как школьники!

Она сделала неприступное лицо, но чувствовала, что получается неважно. Щеки горячие, а мина при этом холодная! Дурацкое сочетание! Надо сваливать, пока он ничего не заметил!

– Ну что же. Если мы договорились, то свяжемся, когда вы определитесь по срокам и стоимости, и тогда я привезу договор и картину, – сказала она, копаясь в сумочке в поисках телефона.

Герман молчал, и Лоре пришлось снова на него посмотреть. Солнце светило ему прямо в лицо. У него были светло-зеленые глаза с темным ободком по краю и черные ресницы. Не глаза, а девичья погибель.

– Вот мой телефон. Рабочий и сотовый.

Лора быстро пошла к двери, уже из коридора кивнула, прощаясь, и быстро побежала прочь. Что это с ней?

Вторая часть Марлезонского балета

Она вышла на улицу и, не сбавляя скорости, помчалась на вокзал. Сердце стучало как-то нехорошо, быстро и неровно. Внезапно она остановилась и по давней детской привычке топнула ногой.

– Перестань сейчас же! – приказала она себе. Прислушалась. Сердце, кажется, стало стучать реже. Ну то-то же! Я себе хозяйка! И никто другой!

Она постояла немного, успокаиваясь, и, уже не торопясь, пошла вдоль паркового забора. Спешить было некуда. Вечер свободный. А не прогуляться ли по гатчинскому парку? Последнее время он стал ухоженным и красивым. Лора купила билет и пошла по дорожке вдоль пруда. Народу ближе к вечеру было немного, и прогулка обещала стать приятной. Она брела мимо старых ив, любуясь живописными островками посреди большого водоема, поднялась на небольшой холм к домику, словно сложенному из березовых поленьев. Домик был закрыт, и она решила обойти его кругом. Какой-то человек шел ей навстречу. Она посторонилась, пропуская. И подняла глаза. Герман Строганов.

Только этого не хватало. Как говорится, и снова здравствуйте!

– Судьба нам с вами сегодня встречаться. – Он улыбнулся, и Лоре захотелось немедленно припустить от него на всех парах. Вот же гад! Еще и улыбка у него обалденная! Врешь, не возьмешь!

– Вы что, за мной шли?

– И не думал. Я предполагал, что вы давно убыли на своем кадиллаке. Или на чем там грандессы ездят?

Издевается?

– По причине отсутствия кареты грандессы путешествуют на электричке.

– Да неужто? Извиняюсь. Ошибочка вышла.

– Это вы сейчас юморите?

– А что, плохо получается?

– Средне.

– Это потому что тренируюсь редко. Сижу в мастерской, в обществе почти не бываю, светскому этикету не обучен.

– Заметно, кстати. Первый день человека знаете, а уже отрабатываете на нем свое чувство юмора.

Лора развернулась и пошла к выходу. Интересно, пойдет он за ней?

– Постойте.

Она обернулась. Герман стоял прямо перед ней. Очень высокий. Ей бы на цыпочки пришлось встать, чтобы дотянуться… Нет, ну что за ерунда! Зачем ей надо к нему тянуться?

– Я, кажется, показал себя не с лучшей стороны. Позвольте, я вас домой отвезу.

– Абсолютно исключено. Я и сама прекрасно доберусь.

– Да я не сомневаюсь в ваших способностях. Просто мне не хочется оставлять после нашего разговора плохое послевкусие.

Надо же! Послевкусие!

– Нет, спасибо.

– Спасибо скажете, когда довезу вас до самого подъезда.

Ей хотелось согласиться и хотелось повредничать. Пусть не думает, что она с первой встречи позволяет собой вертеть и командовать. Она открыла рот сказать окончательное «ноу», но Герман уже тянул ее за руку к выходу.

Машина была красивая и большая. Она залезла на сиденье рядом с водителем и пристегнулась.

– Вот это правильно. Прокатимся с ветерком!

Герман быстро выехал из города и помчался совершенно в другую сторону.

– Эээ… Куда это мы рулим?

– Не пугайтесь. Я знаю хорошую объездную дорогу, там можно ехать побыстрей.

Нет, ну что он себе позволяет? Делает что хочет, ее вообще не спрашивает! А с другой стороны, пусть не думает, что она пугливая курица. Подумаешь, довезет до дома! Довезет и услышит жестокое «чао»!

Лора уселась поудобнее и стала смотреть на дорогу. Буду молчать, как рыба об лед. Она сделала независимое лицо.

– А почему Долорес Сарита?

Лора выгнула бровь. Он что, не заметил, что она сидит тут сама по себе? Видимо, нет, не заметил. Придется вести беседу из разряда «дорожные разговоры от скуки». Не поворачивая головы, она как бы нехотя ответила:

– В Испании старшей дочери первое имя дают по матери, а второе – по бабушке с материнской стороны. Маму тоже назвали по бабушке, а ту – в честь Долорес Ибаррури. Это известная испанская коммунистка. Долорес значит «скорбящая», а Сарита в переводе «принцесса».

– Скорбящая принцесса? Это по-нашему Царевна-Несмеяна?

Лора выпятила губы трубочкой, как делала всегда, когда пыталась сдержать смех, но все-таки рассмеялась. Ну что ты будешь делать! Вечно у нее не получается держать фасон!

Герман посмотрел на пассажирку. Кажется, лед сломан?

– Скажите, а в Испании у вас родственники остались? Вы о них что-нибудь знаете?

– Мы узнали совсем недавно. Деда никто никогда не разыскивал ни до войны, ни после. Он сам тоже не знал, где искать. Алонсо – довольно распространенная фамилия в Испании. Только когда… один писатель собрал материалы об испанских детях, вывезенных в СССР, выяснилось, что родные у нас есть, и даже немало.

– Интересно. Вы связывались?

– Да. Папа этим занимался. Нашел почти две дюжины родных, причем не седьмая вода на киселе, а довольно близкие. Особенно со стороны дедушкиного отца. Витория – столица басков. Второе название – Гастейс. Это на языке басков. Получается, мы – баски.

– А ваша мать тоже испанка?

– Представьте себе. Ее отец тут нашел, в Питере. Она учиться приехала. По обмену.

– А… – снова начал было Герман. Лора перебила:

– А… почему вас это так интересует?

– Хочу выяснить, насколько вы чистокровная испанка.

– Стопроцентная, не сомневайтесь. Только непонятно, вам-то не все равно?

– Я настоящих испанок отродясь не встречал. Интересно, чем вы от нас, русских, отличаетесь.

– Ну и как? Удалось что-нибудь выяснить?

– Пока немного. Вы буйные и своенравные.

– Как это вы так быстро нас раскусили?

– А что? Неправда?

– Правда, правда… А еще мы все время едим паэлью, пьем сангрию, танцуем фламенко и живем по принципу «сиеста – фиеста – маньяна». Да! Забыла! Еще обожаем корриду!

– Ну да, примерно так.

– Даже примерно не так. Во-первых, дежурное блюдо у испанцев вовсе не паэлья, а тортилья – картофельный омлет. Если захотят выпить, то выберут пиво. Сангрия – для туристов. Кроме фламенко есть куча других танцев – сардана, чотис. Кстати, его любят мадридцы. Фламенко – это Андалусия.

Лора разгорячилась и не сразу заметила, что Герман улыбается. А заметив, разозлилась. Спровоцировал, а теперь смеется! Она задохнулась от возмущения и выпалила:

– И вообще! Мне надоел этот разговор!

Она хотела добавить, что и он ей надоел тоже, но не успела. Герман вдруг резко затормозил. Машина вздрогнула всем огромным мощным телом и встала как вкопанная. Лора сунулась вперед и клюнула носом обшивку. Слезы так и брызнули из глаз. Она схватилась за нос.

– Вы что, рехнулись?

Не отвечая, Герман выскочил из машины и нагнулся, рассматривая что-то. Лора тоже вышла, зажимая нос, и заглянула. Под днищем сантиметрах в пяти от переднего правого колеса сидел ни жив ни мертв какой-то зверек. Герман присел на корточки и протянул руку. И тут бедолажный сорвался с места, выбежал из-под машины и припустил в лес.

– Хорек! – хором сказали они.

Проводив глазами уже невидимого среди травы зверя, они посмотрели друг на друга, и Герман схватил ее за руку:

– У вас кровь.

Лора прикрыла нос рукой.

– Да уж. Оказалась не готовой к резким переменам в жизни.

– Стойте смирно. Я посмотрю.

Она послушно замерла. Осторожно пощупав нос, он успокоенно заявил:

– Ваш прекрасный нос в целости и сохранности. Сейчас остановим кровь, и можно ехать.

От его близости и мягких прикосновений сердце снова застучало. Так быстро и, ей показалось, так громко, что она тут же сбежала в машину, пристегнулась и отвернулась к окну. Не глядя, взяла протянутую ватку, прижала и затихла. Возле дома, до которого ехали молча, Лора вышла и только собралась, небрежно

помахав рукой, нырнуть в спасительную прохладу парадного, как Герман схватил ее за сумочку.

– Я вас чем-то обидел?

Она посмотрела. Выглядит расстроенным. Зеленые глаза потемнели. Лора смягчилась. В конце концов, он-то чем виноват?

– Что вы! Напротив, я ужасно благодарна за помощь!

– Тогда почему вы рванули от меня, как черт от ладана?

«Рванула»? Это еще что за лексикон? «Мое лицо – моя крепость», – любила повторять мама. Лора сделала официально-приветливый вид.

– Вам показалось. Я вовсе не…

Он не стал слушать, что там она «не».

– Это я от радости глупости говорю. Я ужасно рад нашему знакомству. Можно я вам позвоню? Завтра.

И улыбнулся. Лора нашла в себе силы только на то, чтобы молча, с достоинством кивнуть.

Герман пожал маленькую крепкую ладошку и вдруг понял, что не знает, как ее называть. То ли Дорой, то ли Лорой, то ли вообще Саритой.

– До свидания, Царевна.

Она повернулась и побежала. Хлопнула дверь. Стало тихо. Как будто и не было ничего. Он постоял еще немного и пошел к машине. Тронувшись с места, включил радио, и оно, словно дожидалось, с ходу запело бодрыми голосами группы «Секрет»:

– Домооооой! Домооооой!

Точно. Пора домой. Раньше под этим словом он понимал только одно место на земле – деревню Любилки. Сейчас, думая о доме, он все чаще ассоциировал его с Питером, хотя в Любилки тянуло по-прежнему. Там свобода, поля и дед Кирьян. Строгий и добрый, вечно хмурый и при этом веселый и смешной. Родной. Герман улыбнулся.

Ему бы понравилась Царевна, вдруг подумал он.

Не она

Прошло десять дней, а Фриц не позвонил ни разу и вообще никак не обозначался. Лору даже подмывало спросить о нем у Вольдемара, но в последний момент она одумалась. Во-первых, Щеглеватых, скорее всего, сам ничего не знает: свалил дела на нее и пошел себе дальше. Ууу, бонвиван несчастный! А во-вторых, много чести о нем расспрашивать!

И все-таки она постоянно ловила себя на том, что ничего так не ждет, как звонка или письма от Германа. И дело вовсе не в портрете. Хотя и в нем тоже.

Фото Фриц прислал поздно вечером. Он сделал главное – очистил изображение внутри овала. Лора засела за компьютер и всю ночь колдовала над портретом. Закончив, сразу набрала номер Германа и только тогда посмотрела на часы. Черт, четыре утра! Зря она это сделала! Лора собралась выключить телефон, но Герман уже ответил:

– Я знал, что вы позвоните именно тогда, когда я наконец засну.

– Я не хотела. Честное пионерское. Просто не смогла удержаться.

– Понял. Готов к продуктивному общению.

Лора набрала воздуху и выпалила:

– Это не Анна Строганова. Клянусь. Сюжет картины повторен идеально. Художник был прекрасным копиистом и с уникальной точностью передал стиль

Виже-Лебрен. А теперь смотрите. Начнем с вазы. Две розы на заднем плане у Лебрен как бы чуть привядшие и смотрят головками вниз. А здесь? Свежи, как майское утро! Изменение небольшое, но вряд ли случайное. Вдоль выреза платья вышивка не зигзагом, как у Анны, а волнистой линией. И камень в броши не темно-красный, как у оригинала, а зеленый. Но все пустяки по сравнению с тем, что это…

Лора перевела дух.

– Вообще другая женщина! Черты лица, улыбка, волосы очень похожи, верно, но Анна была светлоглазой. У этой глаза карие. И смотрит по-другому. Нежнее, что ли. Хотя сходство просто поразительное!

– Вывод?

– Художник скопировал картину не случайно. Так было задумано с самого начала. Возможно, девушка, которую он рисовал, была похожа на Анну Сергеевну Строганову.

– Может, родственница?

– Может, и так. Только родилась она намного позже. Полотно точно написано лет через тридцать после портрета Виже-Лебрен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dorosh_elena/portret-devochki-v-shlyape

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить